

Отражение начала Северной войны в немецкой публицистике первой четверти XVIII века

Начавшаяся Северная война привела к резкому усилению военно-политического фактора в комплексе интересов к России представителей немецкой общественно-политической мысли. Германия превратилась в арену политической, военной и литературной борьбы Швеции и России за господство в балтийском регионе. Пропаганда и агитация воюющих держав проявила себя уже в самом начале войны. Русско-шведское противостояние в публицистике можно охарактеризовать как «психологическая война»¹. Война – ситуация чрезвычайного и напряженного состояния общества, в котором происходят сложные социокультурные, психологические изменения и деформации. Образ врага, закрепленный в идеологии, захватывает все средства коммуникации, становится значимым. Формируется предубежденность каждой стороны в отношении справедливости ведения войны. Для закрепления этой точки зрения активно используется публицистика. Государственная идеология стремится не только создать определенные представления внутри страны, которые бы способствовали критическому напряжению воли народа, для чего одних мер принуждения и использования аппарата власти недостаточно. Изменяется фон дипломатических отношений, и воюющие государства ищут поддержки третьей стороны – союзников. Это находит выражение в стремлении создать благожелательный образ и склонить в свою пользу общественное мнение в соседних государствах, что помогло бы в случае победы закрепить положительный исход войны, а в случае поражения – дипломатическими методами свести к минимуму успехи противника.

С начала Северной войны Петр I уделял большое внимание общественному мнению Европы. Уже в официальном объявлении войны проявилось желание оправдаться в глазах европейцев и свалить вину за ее начало на шведов. Мотив очевиден – стремление обеспечить позитивный образ России за границей. В указе от 19 августа 1700 г. говорилось о том, что причиной войны были «многие неправды Свейского короля», и в особенности то, что «во время Государева шествия чрез Ригу, от рижских жителей чинились ему многие противности и неприятства...»². Такая же оценка событий трехлетней давности, положивших начало войне, содержится в письме Петра I князю Андрею Хилкову от 21 августа 1700 г., что говорит о том, что это была официальная версия российской стороны³. Военные действия вызвали

¹ *Kopelew L. Neues Verstaendniss und neue Missverstaendnisse // Russen und Russland aus deutscher Sicht. Die Zeit der Aufklaerung (West-oestliche Spiegelungen. Hrsg. von L. Kopelew. Reihe A. Bd. 2). Muenchen, 1987. S. 24–25.*

² ПСЗ-4. СПб., 1830. № 1811; *Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV, ч. I. С. 1–2.*

³ См.: *Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 1.*

неудовольствие в европейских политических кругах, которые не считали достаточно обоснованными приведенные в указе Петра причины войны. Для многих европейцев начало войны было неожиданным событием. В глазах читателей ведущих немецких журналов и газет в ближайшем будущем должна была оживиться борьба России с Османской империей, которая по Карловицкому миру (в январе 1699 г.) согласилась только на двухлетнее перемирие с царем. Однако вскоре нашли подтверждение слухи о напряженности в пограничных областях Балтики. В конце августа 1700 г. в корреспонденции из Москвы сообщили об официальном объявлении войны Швеции.

Манифест Петра I, содержащий объявление войны шведскому королю, не учитывал возможные отклики общественного мнения в Европе, склонного считать, что «настоящих» причин для войны у «москвитов» нет. В этом документе практически отсутствовало историческое обоснование объявления войны Швеции. Даже П. Я. Марпергер, положительно относившийся к России и ее монарху, осуждал многочисленные войны России, затруднявшие торговлю с Москвой и ведущие к убыткам иностранных купцов⁴. Видя угрозу в лице русского царя и его притязаний, Г. В. Лейбниц высказывал пожелание, чтобы «москвиты поплатились за своё безумие», а молодой шведский король завоевал все московское государство. По мнению Лейбница, это могло бы стать одним из способов распространения цивилизации в этой «варварской стране»⁵. Для европейцев победа шведов была более желанной, чем их поражение. С точки зрения интересов международной дипломатии того времени вступление России в войну со Швецией путало карты в той политической игре, которая развернулась вокруг вопроса об испанском наследстве. Северная война показала, что Россия своей активностью нарушила модную тогда в Европе доктрину «равновесия сил»⁶. Поэтому такое большое внимание в немецкой публицистике уделялось сообщениям о событиях первых месяцев войны.

«Редкая война даже Россию заставляла так врасплох, так плохо была обдумана и подготовлена, как Северная», – писал В. О. Ключевский⁷. Чтобы исправить эту ошибку и воспрепятствовать распространению негативных суждений в отношении России, И. Паткуль, тайный советник Августа II, 18 сентября 1700 г. поместил в “*Mémoires pour servir à l’histoire du XVIII siècle*” (дата по старому стилю) декларацию, содержащую в себе подробное объявление Россией войны Швеции. Выступая от имени Петра, Паткуль доказывал справедливость притязаний России (список этой декларации был

⁴ См.: *Marperger P. J. Moscovitischer Kauffmann...* Luebeck, 1705 S. 152–153; Grasshoff H. Paul Jacob Marperger – ein Popularisator Olearius und Ludolfs // *Zeitschrift fuer Slawistik*. 1961. Bd. VI, Heft 2. S. 181.

⁵ *Герье В.* Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 46–47.

⁶ См.: *Предтеченский А. В.* Полтавский бой в освещении современников-иностранцев // *Учен. Зап. Ленингр. пед. ин-та им. М. Н. Покровского*. 1940. Т. V, вып. I. С. 57–58; *Бобылев В. С.* Внешняя политика России в эпоху Петра I. М., 1990. С. 63.

⁷ *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 49.

отправлен барону Лангену в Москву 4 октября 1700 г.)⁸. В том же письме впервые в русской истории европеец изъявил готовность стать своеобразным литературным агентом царского правительства за границей, чтобы от имени царя печатать необходимые для русской пропаганды материалы. В своем сочинении Паткуль особое внимание уделил нескольким обстоятельствам, которые могли бы, на его взгляд, заставить европейцев с одобрением отнестись к военной инициативе Москвы. Он указывал, что «тайно Швед всякие умыслы против Царя чинил, и, между прочим, предлагал короне Польской союз и нападение на Царя общими силами, а посланник его в Константинополе мешал миру всякими мерами»⁹, «Швед, под видом дружбы, мыслил искоренить Царя, возбуждая на него ... сильных неприятелей». Таким образом, автором обосновывалась мысль о том, что вступление России в войну с Швецией было превентивной мерой, а сама война – неизбежной. О том, что это послание предназначалось для оправдания войны и получения поддержки европейской общественности, свидетельствует тон обращения ко всему христианскому миру, апелляция к модным тогда в Европе идеям «божественных и народных прав». Там же содержатся сведения о более достоверных мотивах войны: возвращение Ижорской и Карельской земли, «хищническим образом» отобранной Швецией у русского государства. Паткуль хотел повлиять на общественное мнение в немецких государствах, напоминая о захвате Швецией Лифляндии, что, по его мнению, дало шведам возможность «внести войну в Пруссии и в немецкую землю, и таким образом поставить себя на вершине в свете почтения», т. е. способствовало экспансии шведского государства в отношении Германии в период Тридцатилетней войны. Кроме того, сам «король Свейский» начал войну, напав на Данию, и Петр, как верный союзник, «пред Богом и пред человеками обязанным себя признает: тем верным своим приятелям и союзникам учиненную несправедливость мстить и против себя восприятыя намерения пресекать». «Не мог его царское величество не оборонить собственной и союзников своих безопасность силою оружия». Таким образом, Петр I намеренно изображался как мститель за несправедливости в отношении себя и своих союзников¹⁰.

В некоторых немецких газетах начало русско-шведской войны комментировалось на фоне исторических примеров. Кратко пересказывая

⁸ См.: Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV, ч. II. Приложения II. № 28. С. 158–159. Список декларации, отправленный к барону Лангену, и датированный 18.09.1700, был опубликован в 1702 г.: «Extract aus des General-Major Langens relation, sub dato Moscau den 18. Sept. 1700» // *Livonica, oder einiger zu mehrer Erlaeuterung Der mit Anfang des 1700. Jahrs in Lieflland entstandenen Unruhe dienlicher Stuecke und Actorem Publicorum Fasciculus Quartus*. o. O, 1702. S. 37–39.

⁹ В то время в Константинополе не было шведского дипломатического представителя. «Всякими мерами» мешал миру польский посол, познанский воевода Р. Лещинский, отец будущего короля Станислава, один из лидеров оппозиции польского короля Августа Сильного. Он же сообщил туркам о секретном договоре между Петром I и Августом II, (См.: Шутый Е. В. Позиция Турции в годы Северной войны. 1700–1709 // *Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы*. М., 1959. С. 104–105).

¹⁰ См.: Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV, ч. I. С. 3–5; Т. IV, ч. II. С. 158–159.

историю борьбы Польши, Швеции и России за обладание Лифляндией, немецкие публицисты высказывали различные точки зрения по вопросу о том, чьи претензии на эти земли были более обоснованы. Например, справедливость войны Польского короля и Саксонского курфюрста Августа за обладание Лифляндией объяснялась тем, что еще в XVI в. «лифляндский рыцарский орден» перешел под покровительство Польши, которая сыграла ведущую роль в защите Лифляндии от «москвитов» в период Ливонской войны. Права России на эти территории подтверждались сведениями о строительстве русскими городов Копорье, Ивангород и др. в Ингерманландии, а также проживанием русского населения на этих территориях¹¹.

Историческое сознание нового времени делало необходимым апелляцию к событиям прошлого для обоснования внешнеполитических акций европейского масштаба. Вслед за иностранными авторами вопрос о необходимости начала войны со Швецией стал в России предметом обсуждения в публицистических и исторических сочинениях первой четверти XVIII в. Известный русский государственный деятель, сподвижник Петра I, Федор Степанович Салтыков предлагал в 1714 г. опубликовать для общего сведения манифест на русском и иностранном языках об исторических правах России на прибалтийские земли. Используя «Лифляндские хроники», он утверждал, что эти земли с древних времен находились под властью русских князей. Кроме того, Салтыков довольно подробно говорил о строительстве городов русскими князьями в Лифляндии и Ингрии¹². Большие исторические обзоры русско-шведских отношений были помещены в работе Г. Гюйссена «Журнал Петра I», в книге П. Шафирова «Рассуждение о причинах Свейской войны» и др. В книге Шафирова подчеркивались не только агрессивные замыслы Швеции, но и превентивный характер войны со стороны России. Начав Северную войну, Россия «предварила» шведов, которые «имели намерение в войне против России» и разработали «проект, чтобы Новгород, Псков, Олонец, Каргополь и город Архангельской завладеть, дабы с иностранными областями весьма купечество у России пресечь»¹³. Г. Гюйссен заявлял, что «в целях оборонения и соблюдения самого себя» не следовало ждать первого удара противника. Стремясь предупредить нападение шведов на русские земли, Петр вынужден был

¹¹ См.: *Historische Remarques Der Neusten Sachen in Europa*. 16.03.1700, 23.11.1700. S. 83–86; О правах России на Лифляндию см. также: *J. H. von L. Des Grossen Herrens, Czaars und Gross Fuerstens von Moscau, Petri Alexiewiz, Des gantzen grossen, kleinen und weissen Reusslandes Selbsthalters etc.etc. Leben und Thaten...* Franckfurt und Leipzig, 1710. Theil 2. S. 233.

¹² См.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 35, 47–49.

¹³ См.: *Шафиров П. П.* Рассуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый царь и повелитель всероссийский и протчая, и протчая, и протчая: к начатию войны против Короля Карола 12, Шведского 1700 году имел... Санкт Питербурх, Лета Господня 1716 года, напечатано 1717. С. 76; *Андерсон И.* История Швеции. М., 1951. С. 162, 175; *Пешич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 181–182.

начать поход на Нарву при заведомо неблагоприятных условиях¹⁴. Отечественные авторы разделяли концепцию Паткуля о превентивном характере начала войны, дополняя основные положения обоснованием справедливости притязаний России богатым историческим материалом.

Шведская сторона также стремилась оправдать ведение войны с Россией и заручиться поддержкой общественного мнения в Европе. В конце 1700 г. шведский посланник в Гааге, Лилиенрот, представил Соединенным Штатам обширное сочинение о причинах войны с Московским царем, которое было напечатано на латинском языке и оказало сильное впечатление в пользу Швеции¹⁵. По тогдашним международным правилам шведы имели право упрекать русских в вероломстве. У России с отцом Карла XII Карлом XI был подписан «Вечный мир». Незадолго до начала войны Петр отказался подтвердить этот трактат под предлогом, что он уже приносил присягу шведскому королю Карлу XI. Это была явная уловка, на которую пошел Петр, чтобы не связывать себя никакими обязательствами. По неписаным законам русской дипломатии, на который обратил внимание в начале XVII в. П. Петрей, «Вечный мир» соблюдался только при жизни государя, который его заключил¹⁶. Объяснением такой традиции был характер царской власти. Только царь был субъектом международного права. Оплошность шведской дипломатии Петр использовал как прикрытие при объявлении войны. В ответ на это шведам оставалось только ссылаться на международные правила, действовавшие среди монархов в рамках европейской системы государств. С этих позиций Россия была подобна Порте, которая давала согласие только на заключение перемирия.

Начало Северной войны было весьма неудачным для России. Поражение под Нарвой оставило глубокий след в сознании современников. Этому событию было посвящено издание ряда анонимных сочинений¹⁷. Более того, в сочинениях первой четверти XVIII в. о России обязательно имеется либо упоминание, либо описание поражения русских под Нарвой.

Первый этап войны, до 1709 г., можно с полным основанием назвать нарвским. Известие о победе шведского короля над русскими под Нарвой в 1700 году стремительно облетело всю Европу и вызвало большой политический резонанс. Удивление перед столь блистательной победой сочеталось в Германии с одобрением действий шведского короля и некой гордостью за

¹⁴ См.: Гюйссен Г. Журнал государя Петра I // Туманский Ф. О. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1787. Ч. 3. С. 211–212.

¹⁵ См.: *Discussio criminationum, quibus usus est Moscorum Czarus cum bello Suecis, contra jusjurandum et nuperrime datam fidem illato praetextum quaereret. Iuxta exemplar Holmiae leteris Nic. Wankiswj. J. H. Werner, 1700.*

¹⁶ См.: *Petreyus Peter. Historien-Bericht von dem Grossfuerstenthumb Muschkow. Leipzig, 1620. S. 573–574.*

¹⁷ Авторы большинства сочинений, посвященных поражению русских под Нарвой, неизвестны. Одно из исключений: «Relation, Kurtze doch wahrhaffte, von dem, was juengsthin, beym Entsatz, der...belagert gewosenen Stadt Narva..den 20. Novembr. An.1700 passiret [Stockholm]». Его автор – Даниель Никлас фон Хепкен. Установлено по справочнику: *Deutsches Anonymen Lexicon. 1501–1850. Bd. VI. Weimar, 1911. № 7254.*

победу сил европейской цивилизации, которая ассоциировалась со Швецией, над варварским и азиатским Востоком, рискнувшим вступить в единоборство с европейской державой. Россия тогда еще не занимала существенного места в европейской политике¹⁸. Такие настроения в общественных кругах Германии основывались на образе нашей страны, сформировавшемся в предшествующий период (XVI–XVII вв.), когда русское государство считалось либо частью Азии, либо отдаленной областью Восточной Европы, а русский народ наделялся такими характеристиками, как «свирепые, дикие орды». Центральной фигурой образа «русского варварства» был Иван Грозный. Кровавые события периода Ливонской войны в сознании европейцев воспринимались как несовместимые с цивилизацией. Война в тот период способствовала закреплению образа «диких москвитов» в немецкой публицистике. Шведская пропаганда активно использовала устаревшие предрассудки, содержащиеся в сочинениях эпохи Ливонской войны, изображавшие русских в образе врага. В начале Северной войны они стали основой антирусских настроений в Западной Европе. Образ русского варварства получил широкое распространение после поражения русских под Нарвой, так как одними из слагаемых этого образа были предрассудки в отношении военной несостоятельности русских, общей отсталости страны, обособленности от христианского мира.

В сочинении неизвестного автора - первой биографии Петра I, изданной в 1710 г., сообщалось, что когда была объявлена война против шведов, «царь лично отправился в поход с армией в 60.000 человек и артиллерией в 32 пушки и 24 мортиры», поход начался с осады Нарвы¹⁹. По Н. Г. Устрялову, войско, разделенное на три генеральства – А. В. Головина, А. А. Вейде и князя А. И. Репнина, составляло 63520 человек, из которых до сражения успело подойти только 40000²⁰. В первоначальной редакции «Истории Свейской войны» указано, что в дивизии Головина было 14520 человек, в дивизии Вейде – 11164, в дивизии Трубецкого – 2880, всего в походе участвовало 28738 драгун, солдат и стрельцов кроме царедворцев и иррегулярной конницы. 4 декабря 1700 г. генерал Галларт сообщил шведам, что в русской армии было не более 30000 человек, хотя в донесении к королю Августу Сильному от 6 декабря 1700 г., напечатанном в сборнике “Livonica”, им была названа другая цифра – 62000²¹. А. Гордон, бывший под Нарвой, насчитал в строю русской армии

¹⁸ См.: *Никифоров Л. А.* Россия в системе европейских держав в первой четверти 18 века // *Россия в период реформ Петра I.* М., 1973. С. 14–15; *Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны Л., 1986. С. 280.

¹⁹ См.: *J. H. von L.* Op. cit. Theil 2. S. 232.

²⁰ См.: *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. Т. IV, ч. I. С. 8–9.

²¹ См.: Schreiben des bey Narva nebst anderen mit gefangenen General-Lieutenants und Ober-Ingeneuers, Ludwig Nicolassen von Allart, an den Koenig in Polen. de dato Narva den 6. Decemb. Anno 1700 // *Livonica, oder einiger zu mehrer Erlaeuterung Der mit Anfang des 1700. Jahrs in Lieflland entstandenen Unruhe dienlicher Stuecke und Actorem Publicorum Fasciculus Quartus. o. O., 1702. S. 29.*

34000 человек²², Карл Вреде в письме к отцу указывал никак не более 40000 русских под Нарвой²³. В шведском объявлении о поражении русской армии под Нарвой, изданном 28 ноября 1700, сказано, что в армии Петра было не менее 80000 человек²⁴. Эта цифра получила наибольшее распространение в сочинениях немецких публицистов периода Северной войны. Ее принял на веру Адлерфельд, автор очень популярной в Западной Европе XVIII в. биографии Карла XII²⁵.

Немецкие публицисты очень внимательно следили за развитием событий под Нарвой, особенно с начала постоянных бомбардировок города (20 октября 1700 г.) По мнению ряда газет, осажденные находились на грани капитуляции: «Его Царское Величество уже продвинулся... вплотную к Нарве, и днем и ночью выставляет бомбардиров, так что горожане опасаются... что в ближайшие дни может состояться сдача города, так как хотя комендант и проявляет большую настойчивость, но все же невозможно долго продержаться с таким маленьким гарнизоном силой в 900 солдат и долго сопротивляться... против русской армией, которая насчитывает 80000 человек и еще 30000 на подходе»²⁶. Тем более удивительной казалась на фоне таких сообщений победа Карла XII.

Современники уделили большое внимание вопросу о том, почему Петр так спешно уехал из русского лагеря под Нарвой за день до сражения. В «Истории Свейской войны» указано, что Петр отбыл в Новгород 18 ноября для того, чтобы «идушие достальные полки принудить к скорейшему приходу под Нарву, а особливо чтоб иметь свидание с королем Польским»²⁷. Получила распространение и полностью несостоятельная версия о том, что Петр спешил в Москву для приема турецкого посланника. Противоречивые слухи дали повод обвинять Петра в трусости²⁸. Австрийский дипломатический агент в России О. Плейер сообщал в донесениях от 10 и 20 декабря 1700 г., что «по настоятельному и разумному убеждению близких особ, царь решился

²² См.: *Gordon A. The History of Peter the Great, Emperor of Russia*. Aberdeen, 1755. Vol. II. P. 150. Автор – генерал-майор, состоявший на русской службе с 1696 по 1711 гг., после нарвской катастрофы 1700 г. находился в шведском плену.

²³ См.: *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. Т. IV, ч. II. Приложение II. № 50. С. 181.

²⁴ См.: *Kurzer und warhaffter Bericht von dem glorieusen und bey vieler Menschen Gedencken nie erhoertem unvergleichlichem Sieg, womit Gott dem Allerhoehsten gefallen, Ihrer Koenigl. Majest. zu Schweden gerechte Waffen den 20. Nowembris stil vet. 1700. gegen dero treulosen Feind, den Czaar in Moscau, zu gesegen. Aus dem Schwedischen original, wie solches zuerst den. 28. Nowemr. zu Narva durch den Truck publiciret, ins Teutsche uebersezet // Livonica... S. 19.*

²⁵ См.: *Adlerfeld Gustave. Histoire militaire de Charles XII*. Amsterdam, 1740. Т. I. P. 96. В немецком издании того же года: *Adlerfeld Gustav von. Leben Karls des Zwoelften, Koenig von Schweden*. Frankfurt und Leipzig, 1740. Т. I. S. 92, 112.

²⁶ *Ordinari Post-Zeitung (Braunschweig)*. 1700. № 50. Narva. 18.11.

²⁷ Журнал, или Поденная записка Государя Императора Петра Великого. СПб., 1770. Ч. 1. С. 19.

²⁸ См.: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 166.

удалиться от могущей встретиться опасности»²⁹. Данная оценка события ближе всего отражает действительность.

В сочинении «Краткое описание осады города и крепости Нарва», изданном в 1700 г. анонимно и без указания места печати, имеется портрет крестьянина с бородой, с дубиной и в коротком кафтане, с надписью: «Изображение одного крестьянина, которой вывел Его Королевское Величество короля Швеции к городу Нарва через болото в обход лагеря московитов». В описании сказано: «Его Королевское Величество 13 ноября выступил из Везенберга с половиной своей армии в 15.000 шведов, лифляндцев и финнов; 17 ноября вытеснил русских из крепкого, занятого ими, паса Roiajoki, зайдя с тыла, по указанию лифляндского крестьянина, чрез болото, которое считалось непроходимым; 19 ноября овладел другим, не менее крепким, пасом, занятым 20.000 русских в двух милях от Нарвы»³⁰.

Немецкие публицисты неоднозначно оценивали поражение русских под Нарвой. В уже упоминавшейся “Ordinari Post-Zeitung” так описывалось это событие: «царь выступил против шведов со всей своей силой и это породило кровавую баталию, в ходе которой, правда, русские вначале держались с достоинством, но так как имели перед собой не малодушных татар, а храбрых шведов, то после четырехчасового сражения должны были с позором очистить поле боя, потеряв 25000 человек и 70 пушек», «в человеческой памяти едва ли было такое сражение, чтобы так много было захвачено, так много погибло народа и было пленено такое количество храбрых генералов», «царь не сможет быстро собрать новую армию, так как испытывает недостаток в вооружении, которое полностью осталось под Нарвой»³¹. В ряде газет указывалось, что причина поражения русских заключается в отсутствии царя и нежелании русских «состоять под командованием русских офицеров и генералов», а также в том, что «москвиты за последние два столетия имели не что иное, как несчастливую звезду в отношениях со шведами». В одной из анаграмм было написано:

Так же как при Варне был разбит и [навсегда] остался Владислав,

Так и лагерь русских под Нарвой был полностью распущен.

Одинакова ли причина в обоих [случаях], до того нет дела,

Определенно то, что это совершено клятвопреступлением...³²

В сочинении «Московитское государство нашего времени», изданном в 1702 г. в Кельне без указания автора, отдельная глава посвящена объяснению причин неудачи русских под Нарвой. Автор обвиняет русских офицеров в том, что они «не исполнили своего долга как честные солдаты», «частью бежали вместе со своими подчиненными, частью сложили свое оружие и сдались врагу». Кроме того, высказывается предположение, что русские «не слишком ускорили осаду и хорошо проводили время», занимаясь в основном только

²⁹ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV, ч. II. Приложение VI. С. 545–552.

³⁰ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV, ч. I. С. 42

³¹ Ordinari Post-Zeitung (Braunschweig). 1700. Revel. 15.11, 24.11; Mitau. 3.12; Stockholm. 7.12; Luebeck. 17.12.

³² Historische Remarques Der Neusten Sachen in Europa. 11.01.1701. S. 12–13.

укреплением своего лагеря. Здесь же указывалось на недостаток снаряжения русской армии, порождавшей воровство среди солдат. Среди прочих причин называется нежелание москвитов подчиняться немецким офицерам, в отношении которых они питали внутреннюю ненависть, а также отсутствие понимания необходимости самой войны³³. В другом анонимном издании (1704), посвященном описанию русского государства, причиной поражения считаются ошибки командования, «полагавшего лучшим сохранить все проходы и отрезать все подходы вражеской армии», но не сумевшего это осуществить из-за лифляндского крестьянина, выведшего шведов в тыл русским, а также из-за неправильных действий московитских офицеров, порожденных завистью к немцам и другим иностранцам, что позволило неприятелю привести их в конфуз³⁴. Основной причиной поражения русских под Нарвой считалось отсутствие хорошего понимания между офицерами и низшими чинами³⁵. В своих донесениях О. Плейер называл русских солдат «овцами без пастухов»³⁶, генерал Галларт в своих донесениях чрезвычайно резко отзывался о русских офицерах и генералах³⁷.

Пользовавшийся большим авторитетом в ученых кругах П. Я. Марпергер был склонен видеть причину поражения русских в наличии полководческого таланта и выдающихся личных качествах Карла XII. Шведам была обеспечена победа уже тем, что русский «лагерь был атакован [шведами] под руководством Его Королевского Величества»³⁸. В сочинении «Шведский купец» он с восхищением отзывался о такой «замечательной победе», которая по «Божьей воле» одержана «небольшой армией, начитывавшей едва ли 8000 человек» над 80000 русскими. Русская армия была «частью уничтожена, частью обращена в бегство», «Нарва освобождена от тяжелой осады, и высшие чины вражеской армии, среди которых герцог фон Круи... захвачены в плен вместе с чрезвычайно богатым обозом, со всей амуницией и артиллерией»³⁹.

Автор немецкой биографии Петра Великого 1710 г. полагал, что в поражении большую роль сыграла самоуверенность командования, не имевшего сведений о внезапном приближении шведской армии и не перекрывшего достаточным образом все ведущие подходы к лагерю, что позволило неприятелю застать русских врасплох. Автор сочинения стремился любыми способами оправдать царя в этой неудаче, восхваляя его мужество: «Все же при таком превратном ударе мужество царя намного превзошло великого римского императора Августа, когда он никак не мог найти себе утешение после потери трех лучших легионов под Varus в Германии», царь же

³³ Der Moskowitischer Staat unserer Zeit... Coelln, Gedruckt im Jahr 1702. S. 50–52.

³⁴ См.: [Gude H. L.] Der Staat von Moscau o, O., 1704. S. 11–12.

³⁵ См.: [Stieff Christian] Relation von dem gegenwaertigen Zustande des Moskowitischen Reichs. Franckfurt, 1706. S. 207, 208.

³⁶ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV, ч. II. С. 550.

³⁷ См.: Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 542; Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого. СПб., 1882. С. 407.

³⁸ Marperger P. J. Moscovitischer Kauffmann. 2 Auflage. Luebeck, 1723. S. 92.

³⁹ Marperger P. J. Schwedischer Kauffmann... Wißmar und Leipzig, 1706. S. 86–87.

«принял все возможные меры, чтобы снова встретить шведов». Тот же автор подчеркивал, что не следует судить об исходе войны по одной выигранной битве, неспособной обессилить такую большую империю, как Россия. Поражение еще более усилило силу русских: «раненый лев становится только более яростным и воинственным»⁴⁰. Другой известный публицист И. Г. Рабнер полагал, что поражение русской армии под Нарвой является стечением обстоятельств, в том числе неожиданного появления Карла и отсутствия Петра⁴¹. Авторы биографий Петра J. H. von L. и Рабнер были благосклонно настроены по отношению к Петру. Его заслугой они считали тот факт, что русский царь мог извлекать уроки из своих ошибок, что позволяло ему добиваться успехов и в конце концов одержать победу над шведами.

В источниках данные о потерях русских под Нарвой отличаются друг от друга: Галларт в донесении Августу II называет цифру от 8000 до 9000 человек, Александр Гордон, бывший в бою, – до 12000, Адлерфельд – до 18000 солдат и офицеров⁴². Потери русских, исчисляемые в 18000 человек, наиболее часто встречаются в сочинениях немецких публицистов. Такая же цифра была указана в официальном шведском объявлении о Нарвской битве⁴³.

Поражение русских войск под Нарвой нашло отражение и в русских источниках этого периода. Например, Г. Гюйссен указывал в своем «Журнале», что русская армия не была подготовлена должным образом к походу: «для ходу войск, как для везения потребной артиллерии, и что потребное оружие и мундиры с прочими приуготовлении для войны не весьма в порядке и готовы были; и кроме того, понеже полки старых стрельцов для бунтования их оставлены были и в дальние места разсыпаны, а в войске люди новые не гораздо обучены ни по новому, ни по старому воинскому обычаю, и не весьма вооружены были, и потребного в аммуниции не имли, в чем вина и косность была воинских комиссаров, и тех на которых все то положено»⁴⁴. Таким образом, Петр лично не нес ответственности за поражение армии под Нарвой, произошедшей ввиду сложившихся объективных причин. Автор не обходит вниманием измену Ягана Гуммерта, последствия которой, по его мнению, были более значительными, чем полагалось многими. Гуммерт сообщил неприятелю, как считал Гюйссен, «о всем состоянии войска нашего и о намерениях е. ц. в. объявил и советовал, дабы они нападение на Российское войско скорее чинили, пока они не умножатся». Ф. Прокопович считал измену Гуммерта наряду с вероломством шведов, нарушивших перемирие, главными причинами поражения русской армии под Нарвой. Среди обстоятельств, приведших к поражению, он указывал также на слабые стороны русской обороны, отъезд Петра и «адмирала» (не вдаваясь в объяснение причин этого обстоятельства),

⁴⁰ J. H. von L. Op. cit. Theil 2. S. 236–237.

⁴¹ См.: Rabener J. G. Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Rußland. Leipzig, 1725. S. 76.

⁴² См.: Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV, ч. I. С. 52; Adlerfeld Gustav von. Leben Karls des Zwoelften... Т. I. S. 113.

⁴³ См.: Livonica... Fasciculus Quartus. o. O., 1702. S. 19.

⁴⁴ Гюйссен Г. Указ. соч. С. 211–212.

бегство к врагу главнокомандующего русской армии фон Круи и других иностранных офицеров⁴⁵. Как справедливо отметил С. Л. Пештич, Феофан Прокопович придерживался психологического истолкования событий⁴⁶.

Отечественные писатели первой четверти XVIII в. считали, в отличие от большинства немецких авторов, что урон русских войск невелик и составляет 6 тысяч человек⁴⁷. Русская сторона стремилась смягчить тяжесть поражения и объяснить ее причину сложившейся военной конъюнктурой, стечением обстоятельств. Но не все разделяли эту точку зрения⁴⁸. Находившийся на русской службе генерал Галларт считал, что если бы русские «в ту ночь смогли собраться, то весьма могли бы они с малыми тысячами всю шведскую армию побить»⁴⁹. Русские войска имели реальную возможность контратаковать шведов и добиться успехов. Этому мнению придерживался также королевский камергер граф Вреде, описавший состояние шведской армии после боя⁵⁰.

Нарвское поражение больно ударило по престижу русских послов в Германии. П. А. Голицын доносил из Вены, что «главный министр граф Кауниц, от которого всё зависит, и говорить со мной не хочет, да и на других нельзя полагаться: они только смеются над нами»⁵¹. В немецких газетах этого периода писали о еще более тяжелом поражении русских войск, случившемся якобы вблизи Пскова. Ходили слухи о бегстве Петра, освобождении Софьи и ее приходе к власти. В анонимных пропагандистских сочинениях «Веселые и серьезные разговоры трех солдат...», «Правдивое изображение искренне верноподданного крестьянина...» с насмешкой отзывались о воинском искусстве русских, их мужестве, приписывая им типичные для «варваров» черты характера⁵². Уверенность в том, что Россия окончательно разбита,

⁴⁵ См.: *Прокопович Феофан*. История имп. Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятии в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно... изданная с обретающегося в кабинетной архиве дел е. и. вел. Списка, правленого рукою самого сочинителя. СПб., 1773. С. 43–46.

⁴⁶ См.: *Пештич С. Л.* Указ. соч. С. 185.

⁴⁷ См.: *Прокопович Феофан*. Указ. соч. С. 46; *Гюйссен Г.* Указ. соч. С. 211–219.

⁴⁸ Петр I признавал, что «после разбития при Нарве полки в конфузии в свои границы пошли». (см.: *Журнал, или Поденная записка...* С. 26).

⁴⁹ *Пештич С. Л.* Указ. соч. С. 186.

⁵⁰ См.: *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. Т. IV, ч. I. С. 49; Ч. II. С. 178–182. Письмо Вреде датировано 24 ноября 1700 г.

⁵¹ Там же. Т. IV, ч. I. С. 80–81.

⁵² Lustig und erustliches Gespraech dreuer Soldaten, als: Peter, ein Sachse, von der Moscowitischen Armee (sic). Bernt, sein Landsmann, unter der Schwedischen Armee. Jean, ein Frantzose. So sie nach dem Einsatz der Stadt Narva, ueber den jetzigen verwirreten Zustand Europae, unter freyem Himmel gehalten. Ao. 1701; Wahrhaffte Abbildung des aufrichtig getreuen Baurens, der Seine Koenigliche Majstaet in Schweden etc. Anno 1700 durch einen Umbweg, hinter das vor der Statt Nava geschlagene Moscowitische Lager, mit seinem Kriegs-Heer gefuehret. Augspurg. См.: Библиографические отрывки. Несколько редких и малоизвестных сочинений относящихся до Петра Великого и его века // *Отечественные записки*. 1856. Т. 104. С. 354–356.

разделял также шведский король⁵³. Осенью 1701 г. П. А. Голицын доносил о необходимости победы над шведами. В этом он видел условие для борьбы с распространившимися слухами и поднятия престижа России и лично Петра I⁵⁴. В Северной Германии часто можно было услышать рассказы о подвигах прадеда Карла XII – Густава-Адольфа, прославившегося в Тридцатилетней войне⁵⁵. Некоторые публицисты называли Карла «последним варягом», внушающим страх всей Европе⁵⁶. Военно-политическая конъюнктура, складывавшаяся не в пользу России, оказала существенное влияние на срыв русско-австрийского сближения⁵⁷. Первые победы русской армии над шведами 1702 – 1704 гг. не могли вызвать большого резонанса и разрядить обстановку. Влияние Швеции на общественное мнение Германии еще более возросло после заключения Августом Сильным Альтранштадтского мира, превратившего шведов в силу, вызывавшую страх немецких государствах. В «Гистории Свейской войны» справедливо писалось о том, что «ту бытность короля шведского в Саксонии цесарский двор в немалом страхе обретался»⁵⁸. Феофан Прокопович отмечал, что «шведская сила всей Европе была страшна, а российская едва ли кою силою нарицаться могла»⁵⁹. Это со всей определенностью показала выдача шведской стороне русского резидента И. Паткуля и его казнь.

Изменение отношения к России под влиянием военно-конъюнктурного фактора стало возможным после Полтавской баталии. Еще в 1701 г. П. А. Голицын доносил из Вены: «Непременно нужна нашему государю хоть малая виктория, которою бы имя его по-прежнему во всей Европе славилось. Тогда можно и мир заключить, а теперь войскам нашим и управлению войсковому только смеются»⁶⁰. П. П. Шафиров рассказывает, как шведский генерал-майор Шпарре (Аксель Аксельссон, 1652-1728; с 1713 г. – генерал, с 1721 г. – фельдмаршал), будучи в Берлине, публично заявлял до Полтавской баталии, что шведы «рускую каналию могут не токмо оружием, но и плетми из всего света, а не то, что из земли их выгонить. Которыя ругательства принужден от них его царское величество и весь российский народ не токмо на словах, но и на письме слышать и видеть, снося то все с великодушием»⁶¹.

⁵³ См.: *Moerpps E.* Christian Stiffs «Relation von dem gegenwaertigen Zustande des Moskowitzischen Reichs» und ihr Platz im Umfeld von Presse und Propaganda // *Russen und Russland aus deutscher Sicht. Die Zeit der Aufklaerung (West-oestliche Spiegelungen.* Hrsg. von L. Kopelew. Reihe A. Bd. 2). Muenchen, 1987. S. 68.

⁵⁴ См.: *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. Т. IV. Ч. II. С. 202.

⁵⁵ См.: *Молчанов Н.* Указ. соч. С. 168.

⁵⁶ См.: *Флоровский А. В.* Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955. С. 12.

⁵⁷ См.: *Florovskij A.* Versuche einer russisch-oesterreichischen Annaeherung in den ersten Jahren des Nordischen Krieges (1702–1705) // *Jahrbuch fuer Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Laender Europas.* Berlin, 1967. Bd. 10. S. 254–271.

⁵⁸ Журнал, или Поденная записка императора Петра Великого... С. 144–145.

⁵⁹ *Прокопович Ф.* Сочинения. М.; Л., 1961. С. 132.

⁶⁰ *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн., М., 1993. Кн. VIII., т. 15. С. 36.

⁶¹ *Шафиров П. П.* Указ. соч. С. 40.

События последующих лет заставили европейцев снова обратить свое внимание на Восток.